

Научная статья

УДК 82.161.1 — 811.111

DOI: <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2022.16.12>

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ МОДУСА ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Евгений Фролович Киров¹,

Милена Мркаич²,

Мария Вячеславовна Беляева³

^{1,3} Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

² Университет Черногории, Будва, Черногория

¹ evg-kirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9836-5619>

² milena_mrkaic@yahoo.com

³ beljaeva-mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>

Аннотация. В статье рассматриваются средства выражения эмоциональных состояний в русском и немецком языках. Изучение эмоций осуществляется по вводимым здесь понятиям эмотемы, т.е. общим эмоциональным идеям языка, которые, в свою очередь, реализуются посредством эмотивов в речи — конкретных языковых средств на фонемном, морфемном, лексическом и синтаксическом уровнях. Эмотемы могут выражаться эксплицитно, а могут иметь нулевое воплощение. Рассмотрены примеры в русском и немецком языках для иллюстрации приводимых положений.

Актуальность и новизна исследования обусловлены построением собственной оригинальной траектории описания эмотем как элементов модуса языка и компаративным анализом эмотем в двух неродственных европейских языках. Показано, что самым распространенным способом выражения модуса в речи являются эмотивы лексического уровня, что подтверждает идею В.В. Виноградова о наличии в русском языке такой части речи, как модальные слова (модалемы).

Ключевые слова: эмотема, эмотив, диктум и модус, фонемный, морфемный, лексический и синтаксический способ выражения эмоций, модальные слова (модалемы).

Для цитирования: Киров Е. Ф., Мркаич М., Беляева М. В. Эмоциональный компонент в структуре модуса языка (на материале русского и немецкого языков) // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С. А. Васильев. Вып. XVI. М.: Книгодел, 2023. С. 204–221. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2022.16.12>.

Original article

EMOTIONAL COMPONENT IN THE STRUCTURE OF THE MODE OF LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND GERMAN)

Evgeniy Frolovich Kirov¹,

Milena Mrkaich²,

Mariya Vyacheslavovna Belyaeva³

^{1,3} Moscow City University, Moscow, Russia

² University of Montenegro, Budva, Montenegro

¹ evg-kirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9836-5619>

² milena_mrkaic@yahoo.com

³ beljaeva-mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>

Abstract. The article discusses the means of expressing emotional states in Russian and German. The study of emotions is carried out according to the concepts of emoticons introduced here, i.e. general emotional ideas of language, which, in turn, are realized through emotives in speech — specific linguistic means at the phonemic, morphemic, lexical and syntactic levels. Emoticons can be expressed explicitly, or they can have zero embodiment. Examples in Russian and German are considered to illustrate the above provisions. The relevance and novelty of the study is due to the construction of its own original trajectory of describing emoticons as elements of the language mode and comparative analysis of emoticons in two unrelated European languages. It is shown that the most common way of expressing a mode in speech are emotives of the lexical level, which confirms V.V. Vinogradov's idea of the presence in the Russian language of such a part of speech as modal words (modalems).

Keywords: emotive, emotive, dictum and mode, phonemic, morphemic, lexical and syntactic way of expressing emotions, modal words (modalems).

For citation: Kirov E.F., Mrkaich M., Beljaeva M.V. (2023). Emotional component in the structure of the mode of language (based on the material of Russian and German). In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection*

of Scientific Works on Philology. Chief editor S.A. Vasilyev. Vol. 16. Moscow: Knigodel, 2022. Pp. 204–221. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2022.16.12>.

© Киров Е.Ф., Мркаич М., Беляева М.В., 2022

Введение. Настоящая статья посвящена исследованию средств выражения эмоциональных состояний в речи, а именно: описанию лингвистических и паралингвистических средств выражения эмоций в русском и немецком языках.

Коммуникация, как правило, в любом ее проявлении сопровождается выражением эмоциональных состояний, которые и входят как специальный компонент в речевое поведение, приобретая свое материальное воплощение с помощью тех или иных средств языка. Эмоция как психологическое состояние есть нечто, что, по мнению К. Изарда, переживается как чувство (*feeling*), которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия [Изард 2009], при этом существенно то, что выражение эмоций (психологических состояний) он относит к критерию модальности языка. Под модальностью понимается основная характеристика эмоций, на основе чего К. Изард сформулировал 10 базовых эмоций — эмоции интереса, радости, удивления, горя-страдания, гнева, отвращения, презрения, страха, стыда и вины [Изард 2009], но кроме базовых существуют и многие другие эмоции, например: эмоции восхищения, умиления, нежности и т.д.

Изучение языка эмоций (чувств) сопряжено всякий раз со сложностью и своеобразием самого объекта изучения, но всякий раз обогащает наше представление о модусе предложения. Как известно, еще в начале 19-го века В. фон Гумбольдт отметил, что язык как деятельность человека пронизан чувствами, поэтому до сих пор актуальны вопросы изучения языка и реализации в нем эмоционального состояния человека. «Эмоции имеют двойкий способ отражения в языке. Во-первых, они проявляются в языке как эмоциональное сопровождение, эмоциональная окраска, возникающая в результате прорыва в речь говорящего его эмоционального состояния в виде эмоциональных оценок. Во-вторых, эмоции отражаются языковыми знаками как объективно существующая реальность» [Бабенко 1989: 11]. Из этого следует, что в языке существуют эмотемы двух типов — основные и контекстные.

Поиск языковых средств взаимодействия объективного и субъективного в структуре предложения / высказывания базируется на хорошо известной идее Ш. Балли о том, что предложение имеет диктум и модус [Балли 1961: 44]. Ш. Балли показал, что сообщение мысли в нашей речевой деятельности может принять логическую форму, которая устанавливает «четкое различие между представлением, воспринятым чувствами, память-

тью или воображением, и производимой над этим представлением мыслящим субъектом психической операцией... Эксплицитное предложение состоит... из двух частей: одна из них будет коррелятивна процессу, образующему представление (например, *lapluie* “дождь”, *uneguerison* “выздоровление”)...». Эту часть предложения Ш. Балли назвал «диктум», а вторую часть предложения, без которой вообще предложение не может состояться (выражение модальности), — «модус». Модус реализуется, по Ш. Балли, в структуре высказывания: модальный субъект (говорящий человек, например) передается модальным глаголом (например, *думать*, *радоваться*, *желать*) и является. Следовательно, нельзя придавать статус реального предложения такому высказыванию, в котором не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности [Балли 1961: 44], хотя бы в нулевой форме. Принимая положение о диктуме и модусе как компонентах любого предложения / высказывания в любом языке, подчеркнем особую важность для нашего исследования идеи Ш. Балли о том, что «ничего не мешает более подробно структурировать модус как сложную и многослойную систему, которая включает в себя и эмоциональную часть как элемент своего содержания» [Балли 1961: 44]. Далее подробнее остановимся на эмоциональном компоненте структуры модуса.

Основная часть. Языковые единицы с функцией выражения эмоций говорящего: эмотивы и эмотемы как компоненты модуса языка

1. Эмотивы фонемного уровня языка

Понимая эмотив как конкретную единицу речи, выполняющую функцию выражения эмоций адресанта и / или эмоционального воздействия на адресата, мы можем принять эту языковую единицу за гипоним, у которого есть свой гипероним: обозначим его **эмотемой**. Таким образом, эмотивы как речевые проявления одного плана содержания высказывания составляют одну общую эмотему, например: эмотема радости складывается из лексических эмотивов *обрадован*, *рад*, *радостен*; паралингвистических средств радости: *улыбки*, *жеста в виде вскинутых рук*, *хлопок в ладоши*, *позы вскакивания*, *потирания рук* и т. д. При этом паралингвистические средства также имеют статус эмотива, что, собственно, и подчеркивал Ш. Балли [Балли 1961]. Паралингвистические средства являются невербальными средствами коммуникации, сопровождают, а порой самостоятельно, т.е. сами (без лексической поддержки) организуют ее, подобно слову или предложению.

Г. Е. Крейдлин предложил включать в понятие фонетических средств выражения эмоций: тембр речи, ее темп, громкость, hesitantные типы заполнителей паузы («э-э», «м-м» и др.), мелодические явления, а также особенности произношения звуков речи (диалектные, социальные и идиолектные). Вся совокупность паралингвистических средств он делит на две категории — голос и тон [Крейдлин 2002: 348]. Безусловно, как в русском,

так и немецком языках паралингвистические эмотивы имеют большие возможности в выражении эмоций человека.

Эмотивы фонетического уровня в русском языке представляют собой незначимые смысловоразличительные языковые единицы речи, способные выражать эмоциональные состояния и переживания человека:

1. Эмотивы, образованные с помощью растягивания гласных или повтора слов, представлены, например, эмотемой крайнего удивления: *ого-о!* *смотри-и-и!* *В-о-от тебе н-а-а-а!* и др., эмотемой негодования: *у-ужас!* *Кошма-а-р!* и др., эмотемой интереса: *ну-у-у?! рассказывай!* *Давай-давай!* и др., а также эмотемой отвращения: *фу-у-у, га-адость!* и др.
2. Эмотивы, образованные с помощью растягивания и повтора консонантов, представляют, например, эмотему досады, огорчения: *ч-ч-чорт, что я вообще сделал?!* и др., эмотему восторга, восхищения: *кл-л-ласе!* и др., эмотему недоверия, презрения к собеседнику: *щ-щ-щас!* и др., эмотему смущения, вины: *ой-й-й, простите!* и др.
3. Эмотивы, образованные за счет выпадения звуков, реализуют, например, эмотему злости, отвращения: *да [fo]шел ты!* и др.
4. Эмотивы, образуемые посредством нарушения принципа единоударности слов (скандирование) могут реализовывать эмотему восхищения *какая же кра-со-та!* и др., эмотему возмущения или восторга *ну ни-че-го себе!* и др., эмотему отрицания, возмущения *ни-ко-гда! этого не будет ни-ко-гда!, ни-за-что!* и др.
5. Эмоции, образуемые с помощью придыхания, выражают эмотему восхищения (*ха*)*ах!* *она идет!* и др. или эмотему возмущения, гнева (*ха*)*как ты смеешь?* и др.

Как показывают приведенные примеры, в русском языке на фонетическом уровне эмоциональные состояния человека выражаются посредством модификации отдельных звуков и паралингвистических средств в слове.

В немецком языке фонетические эмотивы не имеют столь яркой репрезентации, как в русском языке. Эмоциональные состояния передаются скорее с помощью паралингвистических и лингвистических средств: темпа, интонации и тембра речи, при этом можно формировать различные по своей эмоциональной составляющей эмотемы, вплоть до противоположной:

1. Эмотема благодарности может быть выражена речевым эмотивом *Ich danke dir* от простой благодарности с минимальной эмоцией вплоть до эмотемы большой, глубокой признательности.
2. Эмотив *Ich danke dir* может выражать и другую, противоположную эмотему: например, злую иронию, если она сказана с другим тембром, так сказать, «с иронией в голосе».

В немецком языке фонетически эмоциональные состояния говорящего определяются, прежде всего, тоном и высотой голоса, ритмом и интонационным рисунком слова или высказывания. Именно эти интонационные средства оформляют эмотемы радости, заинтересованности и интереса, но и эмотемы гнева, страха, неуверенности; чрезмерно высокий, пронзительный тон формирует эмотему беспокойства; мягкий и приглушенный передает эмотемы печали и усталости; форсирование звука — эмотемы напряжения или обмана.

При выражении той или иной эмоции на фонетическом уровне большую роль играет то, как произносится высказывание: расстановка логических ударений, скорость произнесения слов, хезитация или посложное произнесение слов. С помощью подобного эмотива можно выразить эмотему решимости например, скандированием: *ich verbiete ka-te-go-risch* или эмотему подчеркнутой ненависти *ich has-se ihn*. Отмечается наличие и эмотивов фонемного уровня, таких как удлинение длительности гласных и согласных, например:

1. Эмотив *Guu-ten Tag...* выражает эмотему удивления, растерянности и неожиданности (Молодой фармацевт ошеломлен, увидев вдруг перед собой госпожу) — [Konsalik 2004: 92].
2. Эмотив *Hallohoo!* Выражает эмотему счастья, ликования, веселья [Kinsella 2004: 68].
3. Эмотив (выделен в примере жирным) *Soll das ein Witz sein? Sie sind so **verg-geßlich*** формирует эмотему гнева, раздражения и недовольства [Kristof 1991: 10].

Важна роль звукоподражательных междометий, создающих особые эмотивы любой эмоциональной нагрузки, т.е. своеобразных эмоциональных либеро, например: *Hm!* — раздумье, сомнение, *Hmm* — выражение большой степени задумчивости, *Pfui!* — отвращение, *Bäh!* — презрение, отвращение, *Hahaha!* — смех торжества или злорадства, *wow!* — радость, но оно же и удивление и др. Такие междометия-либеро несут большую эмоциональную нагрузку, при этом оттенки их значения могут меняться.

Таким образом, мы можем с высокой степенью достоверности отметить наличие похожих фонетических средств выражения эмоциональных состояний в русском и немецком языках, утверждая, что универсальные эмотемы находят реализацию в обоих языках через схожие эмотивы, хотя и могут иметь идиоэтническую специфику.

2. Эмотивы морфемного уровня языка

Языковые средства морфемного уровня представляют собой значимые неделимые части слова, обеспечивающие в том числе и репрезентацию различных эмоций, формирующие соответствующие эмотемы. В числе таких эмотивов в речи можно выделить: уменьшительно-ласкательные

суффиксы (дими́нүтивы); приставки-эмотивы; приставки и суффиксы превосходной степени; степени сравнения наречий.

Исследованием суффиксов, позволяющих передавать субъективно-оценочное значение в русском языке, занимались такие исследователи, как А. Вежбицкая [Вежбицкая 1999: 115], М.А. Кронгауз [Кронгауз 2005: 321], И.В. Фуфаева [Фуфаева 2018: 89], З.З. Исхакова [Исхакова 2009: 55] и другие. В своих исследованиях они использовали понятие «дими́нүтив» в значении уменьшительной формы слова, которая обычно выражается посредством уменьшительных суффиксов. Дими́нүтивы в русском языке можно рассматривать либо по разработанной еще в XVIII веке М.В. Ломоносовым [Ломоносов 1788: 32] шкале «ласкательные — пренебрежительные», либо по модели В.В. Виноградова, описывающей эмоции как комплекс разнообразных оттенков чувств, например, таких, как сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба и оценка, что создает для их более точного описания составные термины: «уничижительно-ласкательное», «ласкательно-шутливые», «ласкательно-уничижительное», «ласкательно-фамильярные», «иронически-ласкательные» [Виноградов 1972: 142]. В данном случае речь идет о некоем комплексе эмоций, компоненты которого характеризуются разнообразными отношениями: одновременностью и синхронностью переживания или последовательностью, поступательностью, непосредственностью протекания или отсроченностью во времени [Ионова 2019: 70].

Эмоции проявляются в нашем понимании, как уже было сказано, эмотемой как общей идеей в языке, а речевые средства их представления выражены эмотивом. Следует отметить, что морфемные эмотивы могут быть омонимичными. Так, подавляющее большинство дими́нүтивов имеют неоднозначный эмоциональный оттенок. Так, суффикс *-к-* в имени (*Машка, Васька*) в зависимости от контекста может выражать эмотему приязни, либо, напротив, эмотему грубости и фамильярности. Слова «*девка*», «*бабка*» носят негативную окраску, т.е. содержат эмотему фамильярной грубости, в то же время в большинстве слов данный суффикс постепенно утрачивает характер эмотива и становится нейтральным в русском языке: слова «*тетрадка*», «*горка*» фактически нейтральны в эмоциональном отношении.

Суффиксы *-ик-*, *-ек-*, *-ок-* в русском языке также не являются однозначными. Они могут выражать эмотему ласкательности и шутливости (*котик, носочек*), с другой стороны — эмотему сарказма и пренебрежения (*французик, ну и видок!*), и с третьей стороны — эмотему умаления (*часок, кексик, курсантик*).

В русском языке суффикс *-чик-* обычно выражает эмотему ласкательности и умаления (*шкафчик, сельдерейчик, дими́нүтивчик*), а суффиксы *-еньк-* и *-оньк-* чаще связаны с эмотемой приязни (*Машенька, тетенька*,

легонький), однако с их помощью может быть выражена параллельно и эмоция иронии и уничижения (*добренький* — мягкосердечный до глупости; *хорошенький* — симпатичный до умиления) и т.д. Диминутивы *-очк-*, *-ечк-*, *-ичк-* выражают эмотему ласкательности (*пусечка, лапочка, сестричка, чашечка*) или иронию (*милочка*).

Суффиксы *-ыш-*, *-уш-*, *-юш-*, напротив, чаще содержат эмотему пренебрежения (*заморыш, замкадыш*) и фамильярности (*Веруша, Павлуша*), но и значительно реже — эмотему ласкательности (*Катюша*).

Морфемы *-ушк-*, *-ошк-*, *-ешк-*, *-ишк-*, *-ышк-*, *-юшк-* могут выражать эмотему доброго отношения, симпатии (*Марьюшка, хозяйюшка, зимушка, солнышко, церквушка, воробышки*), эмотему жалости (*горюшко ты мое*) и пренебрежения (*людишки, музыкантишка, докторишка, комнатушка, домшко*). Несколько более редкие суффиксы *-ушек-*, *-ышек-* обычно выражают эмотему ласкательности и умаления (*воробышек, хлебушек*).

Диминутивы *-ец-*, *-иц-*, *-ыц-* в целом, как правило, стремятся к уменьшительности в эмоциональном отношении (*рощица, водица, сестрица, зеркальце*). Однако в современном разговорном языке таким способом часто образуются фамильярно-одобрительные эмотемы (*фильмец, супец* и под.). Суффиксы *-енк-* и *-онк-* чаще всего придают слову фамильярный или пренебрежительный оттенок (*лошаденка, девчонка, мужичонка, юбочка, деньжонки, бороденка*), но, кроме того, данные диминутивы могут использоваться для выражения эмотем сострадания, жалости (*ручонка, собачонка*). Морфема *-ейк-* также в русском языке обычно используются в пренебрежительном (*статейка*), либо жалостливом контексте (*шубейка*).

Перечисленные диминутивы позволяют выразить целый комплекс смешанных эмоций: от нежности до презрения, от сочувствия до фамильярности, от шутовности до сарказма. Однако, в отличие от эмотивов других уровней языка, их разделение по кластерам эмотем представляется достаточно затруднительным.

В значительно меньшей степени распространены эмотивные диминутивы-приставки, в их числе — приставка *сверх-*: *сверхинтересный* (выражает эмотему повышенного интереса), *супергерой* (эмотема восхищения). Также в русском языке используются приставки превосходной степени *-наи-* (*наилучший, наивысший*) и суффиксы превосходной степени *-ейш-* (*умнейший, красивейший, храбрейший*), содержащие в себе эмотему восхищения.

В немецком языке диминутивы не имеют такой разветвленной морфемной структуры, как в русском языке, поэтому их использование для реализации эмотем весьма скромное. Основными суффиксами-диминутивами являются *-chen* и *-lein*. Образованные с их помощью слова содержат положительную оценку и формируют следующие эмотемы: уменьшительность, (*Dörfchen, Städtchen*); ласкательность (*Küsschen*) или пренебрежительность

(*Bürschchen, Filmchen, Kavalierlein*), но в то же время эти суффиксы уже утратили в некоторых словах характер эмотива, например: *das Mädchen* (девочка). Следует назвать также суффикс *-i* как эмотив для формирования эмотемы доверительной фамильярности и ласкательности в словах *Vati* (папуся), *Mutti* (мамуся), *Brummi* (ворчуниска) и под., однако данная словообразовательная модель не является продуктивной.

Следует отметить, что значительную группу лексических единиц, имеющих отрицательную окраску (эмотема отрицательного отношения) составляют прилагательные, образованные с помощью таких словообразовательных суффиксов, как: *-frei, -leer, -los* и префикса *un-*, например, *kopflös* — безрассудный.

3. Эмотивы лексического уровня языка

В качестве эмотивов лексического уровня рассматриваются минимальные значимые самостоятельные единицы языка, выполняющие номинативную функцию и обеспечивающие выражение различных эмоций и их комплексов. Л.Г. Бабенко выделяет в русском языке эмотивные глаголы, эмотивные существительные, эмотивные прилагательные, эмотивные наречия и эмотивные междометия [Бабенко 1989: 101], т.е. практически все знаменательные части речи способны нести эмоциональный «заряд», т.е. эмоциональную сему, и выступать в роли эмотивов для реализации любых эмотем в речи. Это говорит о возможности транспозиции частей речи и целесообразности их объединения в единую часть речи — модалему.

Эмотивные глаголы способны передавать комплексы эмоций, связанных с выражением различных состояний как положительной, так и отрицательной направленности, они обладают огромными возможностями отображения различных чувств и эмоций сами по себе (*грустить, восхищаться, ненавидеть, страдать* и т. д.). Эмоциональная сема встроена в структуру их семемы изначально и является непреложной их частью. Эмотивная лексика в русском языке представлена, с одной стороны, немотивированными словами, типа *беда, страх, печаль, страсть, мука, грусть*, с другой стороны, различными номинализациями, а также отглагольными и отадективными словами типа *бешенство, ласковость, нежность* и под. Отадективные эмотивные существительные являются в основном отвлеченными номинациями качеств, представляя эмотемы *страстность, вспыльчивость, азартность*.

Эмотивные прилагательные передают эмоцию как признак чувства, а эмотивные наречия, выражая эмоции, ориентируются на состояния, эмотивно характеризующие какие-либо действия (*грустно смотреть, грустно сказать*).

Природа эмотивных междометий достаточно сложна, поэтому Л.Г. Бабенко рассматривает их как «особый синкретический класс слов, тяго-

теющий и к эмотивам-номинативам, и к эмотивам-коннотативам» [Бабенко 1989: 68].

Рассмотрим сопоставительно эмотивы лексического уровня в немецком языке. Как и в русском языке, к ним относятся существительные, прилагательные, глаголы, междометия, наречия, а еще и частицы [Золотых 2017]. В немецком языке роль эмоционально окрашенных частей в качестве эмотивов намного выше, чем в русском языке, в силу того, что в немецком языке частицы значительно разнообразней и продуктивней участвуют в создании эмоциональной коннотации предложения / высказывания.

Эмотивами выражения любых эмотем в немецком языке выступают стилистически окрашенные слова, будь то положительные или отрицательные коннотации, например, эмотема высокопарности реализуется существительным *die Vollziehung azurblau* (лазурно), глаголом *besingen* (воспевать), а эмотема ироничности и презрительности — существительными *der Don Juan*, *Schürzenjäger* (Дон Жуан, бабник), ну и эмотема фамильярности — прилагательным *niedlich* (смазливый) и т. д.

Уточняя понятие эмоционального состояния и его лексического выражения, необходимо разграничить понимание таких лексических единиц, как «лексика эмоций» и «эмоциональная лексика», поскольку лексика эмоций объективирует градацию оттенков конкретной эмоции, а эмоциональная лексика изначально обеспечивает репрезентацию эмоционального состояния человека и его отношения к характеризованному им объекту и содержит встроенную эмоциональную сему в семеме. Эти слова и являются модалемами как особой группой, имеющей статус гибридной части речи. Другие слова могут быть контекстно эмоциональными, но не приобретают статус части речи.

Использование оттенков эмоционального состояния в лексике позволяет не только обозначать их в русском языке: *страх — боится, печаль — печалится*; а в немецком языке: *Angst — Angst haben, Trauer — trauern*, но и передавать в экспрессивной форме в русском языке: *ох! ай! караул! какой ужас! только не это!*; в немецком языке аналогично: *oh! Aua! Hilfe! Nicht, dass ich wüßte!*; но также выражать эмоциональное отношение к характеризованному объекту: *мужчинка — презрение, талантище — восхищение, баран* (о человеке) — оскорбление, унижение; формируя модус высказывания. То же самое мы отмечаем и в немецком языке: *Männlein* — мужчинка, *Mann von Format* — человечество, *Esel* — осел (о человеке), *geistlos* — бездарный, *unsinnig* — бессмысленный, нелепый, *unartig* — невежливый, непристойный.

Лингвистические способы вербального представления эмоций могут быть распределены по следующим трем категориальным разновидностям:

- номинация (наименование эмоции);
- дескрипция (описание эмоции);
- экспрессия (выражение эмоции) [Шаховский 1987: 77].

Комплекс языковых эмоциональных номинаций представлен неисчислимым множеством различных лексем, которые являются «именами эмоций», т.е. эмотемами в нашей терминологии. Базовые эмотемы *любовь, удивление, печаль, страх, стыд* и другие фактически всегда отражены через номинативные эмотивы в речи. Таким образом, номинация эмоций — это использование слов, предметно-логическим значением которых являются понятия об эмоциях. Смешанные эмоции как сверхсуммативное целое [Ионова 2019: 65] могут репрезентироваться на пересечении двух номинаций эмоционального мира (например, *он испытывал смешанное чувство страха и интереса*).

При описании эмоций (дескрипции) происходит фиксирование внешних изменений человека в эмоциональной ситуации: модифицируются речь, мимика, двигательные реакции [Агапова 2015: 87–90]. Комплекс эмоций передается языковой конструкцией, которая описывает эмоциональное состояние субъекта, например: *«Я спел тебе все песни, которые я знал / И вот пою последнюю про то, что кончен бал»*. Выражение «кончен бал» в прямом значении не имеет эмоционального содержания, но в данном случае в контексте фразы описывает эмоциональное состояние субъекта при помощи хорошо понятной метафоры. В образной форме метафоры чаще всего представлено внутреннее эмоциональное состояние субъекта. Метафорические приемы в языке обусловлены двойственностью переживания мира: с одной стороны, для представления внешних предметов и обстановки точкой отсчета становятся проявления эмоций (*небо хмурится, der Wald spricht leise mit uns*), с другой стороны, эмоциональные проявления сравниваются с предметами и явлениями окружающей действительности (*метать громы и молнии, jemandem das Herz brechen*).

Третьей разновидностью вербального представления эмоций является экспрессия. Она представляет собой манифестацию эмоции в речи, которая сопровождается внешними и внутренними переживаниями, например, в известной книге Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» Кролик, опаздывая, произносит: *«— Ах, мои усики! Ах, мои ушки! Как я опаздываю!»* Здесь отдельные слова непосредственно не обозначают эмоцию, однако несут функцию выражения эмоции, так как в них считывается намек на неприятности, грозящие герою в случае опоздания. Отметим, что экспрессия достигается с помощью различных лингвистических инструментов, к числу которых относятся лексические, морфологические, грамматические, стилистические, синтаксические, изобразительно-выразительные средства, а также речевые интонации. Все рассмотренные примеры относятся к слову предложения / высказывания.

4. Эмотивы синтаксического уровня

Эмотивы синтаксического уровня в русском и немецком языках представляют собой особую группу. Это словосочетания и предложения, выражающие различные эмоциональные состояния. Данные эмотивы являются наиболее очевидным способом развернуто выразить как отдельную эмоцию человека, так и ее смешанную форму, при этом используются зачастую вопросительные и восклицательные предложения, например:

Эмотема возмущения: в русском языке *Как ты смеешь?!*; в немецком языке *Das fehlte mir gerade noch!* — *этого мне еще не хватало!*

Эмотема отвращения: в русском языке *Фу! Зачем ты притащил в дом эту дрянь?*, в немецком языке: *Das ist echt widerlich!* — *это реально отвратительно!*

Эмотема радости в русском языке *Как сердце-то стучит!*, в немецком языке *Wie schön, dass du da bist!* — *здорово, что ты здесь!*

Эмотема сожаления в русском языке *Сам не сберег, а сейчас вот каюсь*, в немецком языке *was für ein Pech!* — *какая неудача!*

Эмотемой является также и фразеологическое словосочетание, способное передать эмоциональное состояние говорящего, например, в русском языке эмотема сомнения: *бабушка надвое сказала*, в немецком языке эмотема досады: *ich habe die Nase voll* (*с меня хватум*) и др.

Нельзя не отметить, что бывают и значительно более сложные по своей структуре смешанные, гибридизированные эмоции, сочетающие в себе эмоциональные переживания из различных кластеров, выражаются с помощью сочетаний эмотем (в русском языке: *ее эмоции бурлили, негодование мешивалось с восхищением*, в немецком языке: *Was du nicht sagst! Eine Überraschung!* — *да что говоришь! Вот сюрприз!*).

Наряду с использованием сочетания различных эмотем не менее значимы паралингвистические и иные средства репрезентации. Подробно данная проблема представлена в работе [Ионова 2019: 68].

Интересна концепция эмоциональной рамки высказывания, разработанная А. А. Водяха [Водяха 1993: 13]. Эмоциональная рамка высказывания понимается автором как синтаксическая конструкция, включающая эмотивные знаки, которые обрамляют высказывание и сигнализируют о присутствии в нем определенной или определенных эмоций. Подтверждение этому представлено в приведенных выше примерах из русского и немецкого языков. В зависимости от структуры (наличия зачина и концовки) различаются полная и неполная эмоциональная рамка высказывания. Эмоциональная рамка высказывания в целом, а также отдельные ее компоненты определяют тональность высказывания, помогают реализовать его прагматическую цель, программируют ответную реакцию адресата.

Эмоции могут выражаться в процессе коммуникации эксплицитно, паралингвистическим образом или имплицитно, что зависит от стиля

речи и мастерства пишущего [Киров 2016]. Безусловно, в разговорном или в художественном стиле эмоциональная составляющая имеет приоритетное значение вместе с комплексом паралингвистических средств. В таких же стилях речи, как научный стиль или официально-деловой, эмоциональный компонент может содержаться в нулевой форме (имплицитно). Предложения в таких стилях содержат сдерживаемые, подавляемые эмоции, которые присутствуют в дискурсе в нулевой форме: *Металл серого цвета, имеет две полиморфные модификации...*; в немецком языке: *Jeder Körper wird von der Erde angezogen*). Здесь уместно говорить о наличии модуса в его нулевой реализации.

В. Матезиус предложил не менее известную формулу предложения / высказывания в структуру, в которой тема — это предметная ситуация, исходная известная информация высказывания, содержащаяся в самом высказывании, а рема является ядром высказывания, представляющим собственно сообщение о теме. Важным представляется замечание В. Матезиуса о том, что в повседневной речи (а она всегда наполнена, как правило, эмоциями) картина актуального членения намного богаче: какая-то часть предложения относится к исходному пункту, а какая-то его часть принимается за ядро высказывания. Таким образом, мы убеждены, что две замечательные идеи Ш. Балли о диктуме и модусе и В. Матезиуса о теме и реме предложения взаимно пересекаются и дополняют друг друга. При этом тема и рема — это элементы диктума, а модус — то, что наполняет и тему, и рему какими-то эмоциональными элементами. Можно предположить, что эти эмоциональные элементы (лексические или грамматические, а может быть, и интонационные) в зависимости от интенций адресанта придают различные оттенки субъективной модальности любой части высказывания или всему высказыванию в целом, но могут получить и нулевое воплощение.

Получается, что уместно говорить о треугольнике тема-рема-модус, которые присутствуют в каждом предложении, но материализуются по-разному. По сути, Ш. Балли говорит и о нулевых членах предложения, вводя понятие моноремы: «Высказывание бывает имплицитным или эксплицитным в различных степенях, причем колебания эти зависят либо от психических мотивов, либо от данных ситуаций. Т.е. от обстоятельств, в которых находятся говорящие» [Балли 1961: 62]. Вводя понятие имплицитности, Ш. Балли говорит о наличии в структуре предложения нулевых компонентов, т.е. «неартикулируемых элементов», которые превращают «наиболее скудные высказывания в полные эксплицитные предложения» [Балли 1961: 56]. Нулевой знак, как отмечает в духе Бодуэна, Ш. Балли, — это знак без означающего, но с определенным значением в определенном месте синтагмы, которую можно заменить одной или несколькими синтагмами того же вида. Нулевой знак можно определить или ассоциа-

циями по аналогии, или ассоциациями дополнительности, или ассоциациями того и другого типа [Балли 1961: 177]. В этом плане показателен пример Ш. Балли из русского языка: во всех лицах настоящего времени изъявительного наклонения связка «быть» является нулевой, но в настоящем времени связка становится эксплицитной с того момента, как она лексикализуется: говорят «дом нов», но «дом становится, кажется, новым» [Балли 1961: 179]. Именно данный пример иллюстрирует взаимодействие диктума и модуса как нельзя лучше: реализация модуса с помощью модального слова приводит к экспликации компонента диктума, имея статус нулевого знака.

В.В. Виноградов ввел в состав частей речи русского языка модальные слова [Виноградов 1972], как бы предвидя такую необходимость по мере развития грамматической теории. Мы в данной статье предлагаем назвать модальные слова модалемами и придать им статус гибридной части речи, поскольку они смешивают семантику слова-донора и эмоциональную семантику, например, *боль, печаль, радость* и т. д. (здесь присутствуют семантика предмета и эмоция). Такие слова эмоциональны уже в словаре, еще до употребления их в контексте — именно их можно назвать модалемами. Немецкий же язык и его грамматика имеют стройную систему модальных глаголов, модальных слов и модальных частиц, способных выражать самые разнообразные эмоциональные оттенки, в рамках структуры модуса, например: *Ich muss viel arbeiten (я должен много работать), Wahrscheinlich komme ich später (no всей видимости, опоздаю), du hast ja alles falsch gemacht (ты же все неправильно сделал)*.

Выводы. Репрезентация эмоций в рамках человеческой коммуникации осуществляется посредством использования разных способов языкового (лингвистического) и паралингвистического инструментария и образует вместе с субъективной модальностью (отношением говорящего к сказанному) модус предложения / высказывания, который универсален, за исключением некоторых черт идиоэтнического характера.

Эмоциональный код русского и немецкого языков в целом одинаков с точки зрения набора эмотем, но имеет некоторую специфику в плане их выражения в виде эмотивов речи. Эмотемарий языков позволяет выражать многообразные эмоциональные переживания говорящих при помощи средств разных уровней языка: фонетического, морфологического, лексического, фразеологического и синтаксического уровней. Несмотря на то что исследуемые языки относятся к различным группам, обнаруживается достаточно много общих положений в структуре эмоционального компонента модуса.

Эмоциональные состояния как психологические явления (эмотемы) универсальны для носителей любого языка. Эти общие идеи, в которых реализуются эмоции гнева, любви, ласкательности и др. Эмотемы реа-

лизируются языковыми средствами перечисленных выше уровней языка — эмотивами. Наибольшую дивергенцию и разнообразие в исследуемых языках показывают эмотивы морфемного уровня, т.к. в немецком языке в отличие от русского языка значительно меньше суффиксов, с помощью которых можно образовать лексемы различного эмоционального наполнения. На других уровнях языка обнаруживаются как сходные, так и различные эмотивы для выражения сходных эмотем.

Исходя из идеи Ш. Балли о диктуме и модусе и идеи В. Матезиуса о тема-рематической структуре предложения, мы получили некий алгоритм описания эмоциональных компонентов предложения: тема и рема формируют диктум, а модус привносит как в тему, так и рему посредством использования различных эмотивов ту или иную эмотему с положительной или отрицательной направленностью или нейтральную в этом отношении. В статье впервые осуществлен подобный подход к исследованию двух европейских языков: русского, входящего в группу славянских языков, и немецкого, входящего в группу германских языков. Получены интересные в лингвистическом плане результаты, которые могут быть использованы в дальнейших исследованиях русского и немецкого языков.

Источники

Kinsella S. Sag's nicht weiter, Liebling. Goldmann Verlag, 2004. 380 p.

Konsalik H.G. Eine Sünde zuviel. Blanvalet Taschenbuch Verlag, 2004. 337 p.

Kristof A. Der Beweis. München, Zürich: Piper, 1991. 185 p.

Литература

Аганова С.Г. Структура лексико-семантического поля негативных эмоций // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 4. С. 87–90.

Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.

Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. литер., 1961. 394 с.

Вежибицкая А. Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999. С. 112–132.

Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.

Водяха А.А. Эмоциональная рамка высказывания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1993. 18 с.

Золотых Т.И. Проблемы выражения эмоций через лексические средства языка (на материале немецкого языка) // Территория науки. 2017. № 3. С. 7–11.

Изард К.Э. Психология эмоций [пер. с англ. В. Мисник, А. Татлыбаев]. СПб.: Питер, 2009. 460 с.

Ионова С.В. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 63–81.

Исхакова З.З. Морфологические средства выражения эмоциональности в мужских и женских текстах (на материале английского языка) // Вестник Башкирского университета. 2009. № 3. С. 788–791.

Киров Е.Ф. Стилистическая парадигма русского языка // Русский язык за рубежом. 2016. № 5. С. 93–99.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

Кронгауз М.А. Семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Academia, 2005. 350 с.

Ломоносов М.В. Российская грамматика Михайла Ломоносова. 5-м тиснением. СПб.: Академия наук, 1788. 214 с.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. М.: Прогресс, 1967. С. 240–245.

Фуфаева И.В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 258 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексикосемантической системе языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 208 с.

References

Istochniki

- Kinsella S. (2004). *Sag's nicht weiter, Liebling*. Goldmann Verlag. 380 p.
Konsalik H. G. (2004). *Eine Sünde zuviel. Blanvalet Taschenbuch Verlag*. 337 p.
Kristof A. (1991). *Der Beweis*. München, Zürich: Piper. 185 p.

Literatura

Agapova S.G. (2015). Struktura leksiko-semanticheskogo polya negativny'h e'mocij [The structure of the lexical-semantic field of negative emotions]. In: *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University]. № 4. Pp. 87–90. (In Russ.)

Babenko L.G. (1989). *Leksicheskie sredstva oboznacheniya e'mocij v russkom yazy'ke* [Lexical means of emotion designation in the Russian language]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta. 184 p. (In Russ.)

Balli Sh. (1961). *Francuzskaya stilistika* [French stylistics]. Moscow: Izd-vo inostr. liter. 394 p. (In Russ.)

Vezhbičzkaya A. (1999). Kul'turno-obuslovlenny'e scenarij: novyj podhod k izučeniju mezhkul'turnoj kommunikacii [Culturally conditioned scenarios: a new approach to the study of intercultural communication]. In: *Zhanry' rechi* [Genres of speech]. Vy'p. 2. Saratov. Pp. 112–132. (In Russ.)

Vinogradov V.V. (1972). *Russkij yazyk* [Russian language]. Moscow: Vy'sshaya shkola. 614 p. (In Russ.)

Vodyaha A.A. (1993). *E'mocional'naya ramka vy'skazyvaniya* [Emotional frame of the statement]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Volgograd. 18 p. (In Russ.)

Zoloty'h T.I. (2017). Problemy' vy'razheniya e'mocij cherez leksicheskie sredstva yazy'ka (na materiale nemeczkogo yazy'ka) [Problems of expressing emotions through lexical means of language (based on the material of the German language)]. In: *Territoriya nauki* [Territory of science]. № 3. Pp. 7–11. (In Russ.)

Izard K.E. (2009). *Psihologiya e'mocij* [Psychology of emotions] [per. s angl. V. Misnik, A. Tatly'baev]. Sankt-Peterburg: Piter. 460 p. (In Russ.)

Ionova S.V. (2019). Smeshanny'e e'mocii: k voprosu o lingvisticheskoj reprezentacii i metazy'ke opisaniya [Mixed emotions: on the issue of linguistic representation and the metalanguage of description]. *Voprosy' psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. № 2. (40). Pp. 63–81. (In Russ.)

Iskhakova Z.Z. (2009). Morfologicheskie sredstva vy'razheniya e'mocional'nosti v mužskix i ženskix tekstah (na materiale anglijskogo yazy'ka) [Morphological means of expressing emotionality in male and female texts (based on the material of the English language)] In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. [Bulletin of the Bashkir University]. № 3. Pp. 788–791. (In Russ.)

Kirov E.F. (2016). Stilisticheskaya paradigma russkogo yazy'ka [Russian Russian language Stylistic paradigm]. In: *Russkij yazyk za rubežhom* [Russian language abroad]. № 5. Pp. 93–99. (In Russ.)

Krejdlin G.E. (2002). *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyj yazyk* [Nonverbal semiotics: body language and natural language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 592 p. (In Russ.)

Krongauz M.A. (2005). Semantika [Semantics]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Academia. 350 p. (In Russ.)

Lomonosov M.V. (1788). *Rossijskaya grammatika Mihajla Lomonosova* [Mikhail Lomonosov 's Russian Grammar]. 5-m tisnieniem. Sankt-Peterburg: Akademiya nauk. 214 p. (In Russ.)

Matezius V. (1967). O tak nazy'vaemom aktual'nom chlenenii predložheniya [About the so-called actual division of the sentence]. In: *Pražskij lingvističeskij kružok* [Prague Linguistic Circle. Collection of articles]: Sb. Statej. Moscow: Progress. Pp. 240–245. (In Russ.)

Fufaeva I.V. (2018). E'kspressivny'e diminutivy' v usloviyah konkurencii s nejtral'ny'mi sushhestvitel'ny'mi (na materiale russkogo yazy'ka) [Expressive diminutives in competition with neutral nouns (based on the material of the Russian language)]: dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 258 p. (In Russ.)

Shahovskij V. I. (2009). *Kategorizaciya e'mocij v leksikosemanticheskoj sisteme yazy'ka* [Categorization of emotions in the lexical and semantic system of the language]. Moscow: Knizhny'j dom «LIBROKOM». 208 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.08.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 17.09.2022.

The article was submitted 19.08.2022; approved after reviewing 05.09.2022; accepted for publication 17.09.2022.

Сведения об авторах

Киров Евгений Фролович — доктор филологических наук; Московский городской педагогический университет; Институт гуманитарных наук; кафедра русского языка и методики преподавания филологических дисциплин; профессор; сфера научных интересов: морфология русского языка, теория языка.

Беляева Мария Вячеславовна — кандидат филологических наук; Московский городской педагогический университет; Институт иностранных языков; кафедра германистики и лингводидактики; профессор; сфера научных интересов: морфология немецкого языка, теория языка.

Мркаич Милена — кандидат филологических наук; Национальный Университет Черногории; отделение русского языка филологического факультета; профессор; сфера научных интересов: теория языка, сравнительное языкознание.

Information about the authors

Kirov Evgeny Frolovich — Doctor of Philology; Moscow City University; Department of Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines; Professor; research interests: morphology of the Russian language, theory of language.

Belyaeva Maria Vyacheslavovna — Candidate of Philology; Moscow City University; Department of Germanistics and Linguodidactics; Professor; area of research interests: morphology of the German language, theory of language.

Mrkaic Milena — Candidate of Philology; National University of Montenegro; Professor of the Russian Language Department; research interests: theory of language, comparative linguistics.